

Едва он это произнёс, как Молитва, вопреки своему обычному мягкому голоску, произнесла с торжественной и гулкой мощью: «Это не вещь, которую пришельцы могут просто унести с собой. Похищая Силу Правил нашего мира, ты не боишься быть уничтоженным?»

«Наивно. Думаешь, я бы стал делать нечто столь опасное без подготовки? Я скоро покину это измерение, и в других мирах мне нечего бояться здешней Мировой Воли», — с невозмутимым видом ответил Фань Сысин, обращаясь к чёрной кошке.

Молитва и вправду не могла помешать его действиям. Энергия, которой он обладал, была не по силам ей в данный момент.

Фань Сысин, играя с кошкой, намеренно пытался её разозлить. «Ты что, и впрямь благоговеешь перед вашей Мировой Волей? Не смейся. Это один из самых слабых миров, что я видел. Ни богов, ни демонов, ни магии, ни культиваторов. Даже развитых технологий нет. Всего одна раса, построившая цивилизацию, которая, похоже, застыла на месте».

Не дав ей ответить, он добавил ещё более едких слов:

«А, вернее сказать, ваш мир слишком слаб, чтобы вместить что-то большее? Неудивительно, что моё задание рассчитано всего на три дня. Если я задержусь дольше, ваш мир просто не выдержит. Внезапное появление того, кто может стереть с лица земли целую гору, перед лицом столь слабой цивилизации... Это же опасно для самого мира...»

Пока Фань Сысин продолжал дразнить кошку, Пэн Цзэфэн уже сорвал все чёрные бумажные талисманы с цепей. Освобождённый Цин Юань перестал реветь, и ясность на мгновение затопила его сознание. Его голос раздался сверху:

«А почему, по-твоему, другие сильные мира сего не приходят сюда за ресурсами?»

Все взглянули на источник звука. Лишь Молитва продолжила: «Потому что в этом мире Правила стоят превыше всего».

«Исчезни, дерзкий пришелец».

Хотя он так сказал, Цин Юань лишь собирался насильно выдворить Фань Сысина за пределы мира.

Правила могут быть слабы, но в устройстве этого измерения всё, что подпадает под их юрисдикцию, — сколь бы могущественным оно ни было — не избежит кары.

В этом мире все существа должны следовать Правилам, но сами Правила не обязаны быть благоразумными.

Поскольку пришелец принадлежал к категории «людей», Цин Юань мог воздействовать на его душу напрямую.

Человек не может противиться Правилам.

«Погоди! Если этого нельзя, то как насчёт той девчонки? Такого монстра я могу забрать, верно?» — Фань Сысин пытался выторговать последнюю выгоду. Каждый мир был ценен, и лишние очки вознаграждения никогда не бывали лишними.

Цин Юань на мгновение задумался. «Ты можешь убить её. Но душу забрать нельзя».

«Не волнуйся, мне эти странные штуки не нужны». Убийство тоже принесёт очки.

Молитва, заметив его навязчивый взгляд, с раздражением указала Фань Сысину, где находится девушка.

Фань Сысин поблагодарил и, насвистывая беззаботную мелодию, вышел из виллы.

Цин Юань уменьшился в размерах и последовал за остальными наружу.

Затем он принял облик молодого человека, каким был до плена, и сладко потянулся. «Как давно я не видел солнечного света. Спасибо тебе, человек, что спас меня и позволил вновь взглянуть на людей». Он и вправду всё ещё любил людей, что бы ни случилось.

Пэн Цзэфэн: «Я не специально тебя спасал. Он шёл за мной, и это он убил твоих тюремщиков».

Цин Юань: «Значит, это ты меня спас».

Пэн Цзэфэн: «...Как скажешь».

Цин Юань повторил: «Спасибо тебе, человек».

Пэн Цзэфэн кивнул.

«Человек, это и есть Молитва? Я впервые вижу Молитву. Она что, похожа на кошку?» — спросил Цин Юань.

«Нет», — ответил Пэн Цзэфэн.

Цин Юань задумчиво покрутил глазами. Он слишком давно не чувствовал вкуса человеческой жизни, и болтать с человеком ему было менее интересно, чем поскорее спуститься с горы.

«Я ухожу, человек».

«Хм».

Получив ответ, Цин Юань выбрал направление и зашагал вперёд твёрдой походкой, без тени сомнения.

«Эй, и это всё? Так вот просто взять и уйти? Этот человек тебя спас, а ты даже спасибо настоящему не сказал? Или у тебя и к тем, кто тебя заточил, нет ни капли злобы?» — Молитва бросилась за ним.

Пэн Цзэфэн: ...Кто его спасал?

Цин Юань шёл быстро, и, когда Молитва его догнала, они уже были далеко от Пэн Цзэфэна.

«Цин Юань никогда не ведёт таких счетов. Не только я — все Цин Юани не занимаются подсчётом обид. Это поведение, присущее людям. Молитва, не теряй себя», — сказал Цин Юань.

Услышав наставление от представителя иной системы, Молитва едва заметно закатила глаза. «Что вы, избранные небом, вообще понимаете? Без веры людей мы исчезаем, а Правила стремятся меня уничтожить... Ты говоришь "не теряй себя", но разве я должна просто выйти и дать себя стереть? Я уже давно не в той системе».

Цин Юань, как и Молитва, не поддавался влиянию тумана. Он смотрел на мир, раскинувшийся у подножия горы. «Мне вас, знаете ли, даже слегка завидно. Вы способны управлять силой причинности, а я могу лишь контролировать течение времени. Разве ты не считаешь, что управление причинностью возлагает на тебя куда большую ношу? Потому у вас и ограничений больше».

«И что? — с сарказмом ответила Молитва. — Я, по-твоему, должна радоваться, что Правила возложили на меня столь великую миссию? Нет, нисколько. Я считаю, что люди — самые... насыщенные существа. С ними интересно. Я хочу испытать больше». Хотя были времена, когда и они казались ей скучными — в те долгие, серые периоды.

Цин Юань рассмеялся, услышав это. «Люди и впрямь занятные. Но чтобы по-настоящему насладиться игрой, нельзя позволять себе привязываться. Иначе рискуешь быть запятанной».

«Пока Правила оставляют меня в покое, всё в порядке. Не лезь не в своё дело», — Молитва не хотела спорить, но не могла удержаться. «Мне нравится тот человек, что рядом со мной. Он... тёплый. И тот, что часто с ним, — он... безопасный».

Охарактеризовать человека как «безопасного» было странно. Цин Юань с любопытством переспросил: «Безопасный? В смысле, безвредный?»

«Не знаю, как объяснить. Он, конечно, безвреден, но дело не только в этом. В нём есть тайна и нечто... сокровенное. В общем, с ним безопасно», — сказала Молитва.

«То есть находиться рядом с ним — безопасно? А другой человек? "Тёплый" — очень человеческое слово, такое эмоциональное. Неужели это чувство — причина, по которой ты остаёшься с ним?» — Цин Юань размышлял над её словами, находя их удивительными.

«Чем теплее он становится, тем быстрее сгорает. Ничто не даётся даром, даже доброта. За неё всегда чем-то платят. Я хочу быть с ним, пока он не исчезнет. Конечно, рыбные палочки у него невероятно вкусные, но я тебе этого не скажу», — добавила она, закончив серьёзную часть разговора.

Цин Юань же воспринял это как обмен кулинарными впечатлениями. «Рыбные палочки? Тогда я открою тебе один секрет: по-моему, куриные ножки — самая вкусная вещь на свете».

«Хмф, а у меня их будет сколько угодно!» — парировала Молитва, и кончик её хвоста задорно подрагивал.

Цин Юань рассмеялся, и его голос стал мягким и бархатистым. На этот раз он решил принять облик маленького мальчика — испытать жизнь ребёнка и радость взросления. «Я ухожу. Надеюсь, мы ещё встретимся».

«Считаю, с такими, как Правила, лучше вообще не встречаться. Скупердяи, да ещё и опасные», — сердито вильнув хвостом, Молитва вернулась к Пэн Цзэфэну.

«Закончили?»

«Угу».

«Что-то не так?»

«И как ты догадался, что кошка не в духе?»

«...А ты вообще помнишь, что ты кошка? Это кто же тут на людях со мной на человеческом языке разговаривал?» — разговор естественным образом свернул не туда.

Молитва, не зная, как вернуться к теме, прошептала еле слышно: «Значит, ты не спросишь, почему я не в духе?»

Пэн Цзэфэн, к собственному удивлению, рассмеялся. «Что случилось?»

«Я хочу куриных ножек. Цин Юань сказал, что это самая вкусная вещь на свете».

«Ладно», — Пэн Цзэфэн взял Молитву на руки. — «Но на свете много вкусного. Ты всё должна попробовать сама и решить, что для тебя — самое-самое. Его "первое место в мире" — не обязательно твоё».

Его голос, тронутый улыбкой, прозвучал ещё мягче. «Страшная же штука — эти люди», — мелькнуло у Молитвы в голове.

«Хорошо. Давай пообещаем на мизинцах».

Пэн Цзэфэн протянул мизинец, и Молитва обвила его своим хвостиком.

<http://bllate.org/book/16276/1465609>